https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0875-2-244-258
https://elibrary.ru/BRCXEU
УДК 82.0
Научная статья / Research Article

This is an open access article
Distributed under the Creative
Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0
(CC BY-ND)

«ЗНАК ПРОТИВОРЕЧИВЫЙ»: С.С. АВЕРИНЦЕВ О ПОНИМАНИИ СИМВОЛА ВЯЧ. ИВАНОВЫМ

© 2026 г. Ю.Ю. Анохина

Исследование выполнено в ИМЛИ им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00248, URL: https://rscf.ru/project/24-18-00248/

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о том, как С.С. Аверинцев подходит к осмыслению понятия «символ» в эстетике Вяч.И. Иванова. Автор отмечает, что, несмотря на отсутствие у Аверинцева специальных работ, посвященных ивановской концепции символа, эта концепция не была обойдена вниманием ученого. Сопоставление отдельных высказываний Аверинцева о том, как с его точки зрения, Иванов понимает символ, позволяет показать, что наиболее существенными аспектами этого понятия предстают выход за пределы эстетики и диалогичность. Особое внимание в статье уделяется сравнению выдвинутой Аверинцевым концепции символа и представлений о символе Иванова. Рассматриваются такие аспекты символа, как онтологичность и гносеологичность, а также взгляды мыслителей на проблему адекватного постижения символа. Сравнение заставляет предположить, что аверинцевская концепция символа была сформирована не без влияния идей поэта-символиста, хотя теоретические высказывания Аверинцева о символе не содержат ссылок на труды Иванова. Выдвигается гипотеза о том, что герменевтика ученого, а также предложенные им методологические основания для «символологии», оформились во многом в соответствии с представлениями о символе Иванова.

Ключевые слова: Вяч. Иванов, С. Аверинцев, символ, антиномичность, герменевтика, теория символизма

Информация об авторе: Юлия Юрьевна Анохина — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-8917-5445
E-mail: julia.ane@yandex.ru

Для цитирования: *Анохина Ю.Ю.* «Знак противоречивый»: С.С. Аверинцев о понимании символа Вяч. Ивановым // Антиномичность поэтики русского модернизма и современная гуманитарная мысль: коллективная монография / отв. ред. и сост. С.В. Федотова. М.: ИМЛИ РАН, 2026. С. 244–258. 1 электрон. опт. диск (CD-R). Текст: электронный.
https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0875-2-244-258

"A CONTROVERSIAL SIGN": S.S. AVERINTSEV ON VYACH. IVANOV'S UNDERSTANDING OF SYMBOL

© 2026. Yuliya Yu. Anokhina

Acknowledgements: The research was carried out at the A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, with the support of a grant from the Russian Science Foundation (RSF, project no. 24-18-00248, Available at: https://rscf.ru/project/24-18-00248/).

Abstract: The article addresses the question of how Sergei Averintsev approaches the interpretation of the concept of the "symbol" in the aesthetics of Viacheslav Ivanov. The author notes that, despite the absence of works by Averintsev specifically devoted to Ivanov's concept of the symbol, this issue did not escape the scholar's attention. A comparison of Averintsev's individual statements on how, in his view, Ivanov understands the symbol makes it possible to demonstrate that the most essential aspects of this concept are its transcendence beyond the limits of aesthetics and its dialogical nature. Particular attention is paid to comparing Averintsev's own conception of the symbol with Ivanov's views. The article examines such aspects of the symbol as its ontological and epistemological dimensions, as well as the thinkers' perspectives on the problem of its adequate comprehension. This comparison suggests that Averintsev's concept of the symbol was formed not without the influence of the Symbolist poet's ideas, even though Averintsev's theoretical statements on the symbol do not contain references to Ivanov's works. The article advances the hypothesis that the scholar's hermeneutics, as well as the methodological foundations he proposed for a "symbolology", were shaped in accordance with Ivanov's understanding of the symbol.

Keywords: Viacheslav Ivanov, Sergei Averintsev, symbol, antinomism, hermeneutics, theory of Symbolism

Information about the author: Yulia Yu. Anokhina, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-8917-5445

E-mail: julia.ane@yandex.ru

For citation: Anokhina, Yu. Yu. "'A Controversial Sign': S.S. Averintsev on Vyach. Ivanov's Understanding of Symbol." *Antinomichnost' poetiki russkogo modernizma i sovremennaia gumanitarnaia mysl'* [*The Antinomic Nature of Russian Modernism Poetics and Modern Humanities Thought*], ex. ed. Svetlana V. Fedotova. Moscow, IWL RAS Publ., 2026, pp. 244–258. (In Russian) 1 Electronic Optical Disc. Text: Electronic.

https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0875-2-244-258

Как известно, символ — это базовая категория в эстетических построениях Вяч. Иванова и основание поэтики его лирических произведений. Поэтому не вызывает удивления замечание С.С. Аверинцева об интересе исследователей к вопросу о «символе у Вяч. Иванова»: «Никто из писавших об этом поэте, кажется, не уклонялся от обязанности посвятить хотя несколько слов проблеме символа» [13, с. 42]. Удивительнее другое — то, что, как отметил Р. Бёрд, американский славист и исследователь творчества Иванова, «несмотря на обилие концептуализаций, в понятии символа у Иванова остается много недосказанного» [2, с. 34]. Представляется, что один из шагов на пути к преодолению «недосказанности» — это сопоставление уже сказанного. Однако такое сопоставление сопряжено с рядом проблем, включающих разницу интерпретативных стратегий, языков описания, материала, привлекаемого к анализу, а также специфику задач, определяющих фокус внимания. Поэтому, думается, что к сравнению концептуализаций продуктивнее подступаться, начиная с работ, близких в методологическом отношении: сопоставить, например, герменевтические подходы С.С. Аверинцева и Р. Бёрда. Такое сравнение — дело грядущего, а в настоящей небольшой статье остановимся на вопросе о том, как воспринимал понятие «символ» в эстетике Иванова Аверинцев.

Для Аверинцева творчество Иванова не было единственным предметом научных интересов, и все же вклад исследователя в науку об этом поэте значителен. Аверинцев был одним из тех, кто выступил в авангарде российского иванововедения. Его первая статья о поэте (опубликована в «Вопросах литературы» в 1975 г. [10]), несмотря на явные лакуны, обусловленные эпохой, в сущности явилась первой, раскрывающей перед советским читателем специфику художествен-

ного мира Иванова, и на протяжении всего научного пути ученого поэт-символист был одним из главных «героев» исследований Аверинцева. Итогом его разысканий, посвященных поэту, стала книга «“Скворешниц вольных гражданин”. Вяч. Иванов: путь поэта между мирами» (2002). Характерно, что исследователь, уделяя внимание «узким» вопросам, связанным с жизнью или творчеством поэта, стремился к пониманию общих принципов поэтики Иванова и сущности его философско-эстетических построений. Представляется, что анализ подхода Аверинцева к понятию «символ» у Иванова позволит уточнить специфику его герменевтики в приложении к трудам поэта.

Герменевтика С.С. Аверинцева как научная проблема

В отечественной гуманитарной науке исследовательская оптика Аверинцева, ее своеобразие и вопрос о воспроизводимости, остаются непраздными проблемами. Сложность этих проблем связана с рядом моментов: это и невозможность формализовать подход Аверинцева [4], и чуждость его способа мысли более привычному даже в гуманитарных науках мышлению в системе «бинарных оппозиций», а также принципиальная «внешкольность», порождающая отсутствие специального терминологического аппарата [8, с. 121]. Поскольку метод ученого представляется исследователям его подхода не формализуемым, описания этого метода производится не на языке терминов, а образно или «концептуально». Так, например, О.А. Седакова определяет метод Аверинцева как «новую рациональность». Это подразумевает сумму подходов особого типа, когда творчество поэта (размышление исследовательницы относится именно к книге «Поэты») рассматривается одновременно и как совокупность художественных высказываний, подчиненных литературным законам (учитывается опора на классический филологический инструментарий), и как некое целое, включенное в самый широкий историко-культурный контекст. «Историко-культурные» взаимосвязи прочитываются не в структуралистском, а в герменевтическом смысле, т. е. установление взаимосвязей признается ценным не само по себе: оно подчинено познанию смысла текста. Ведь именно адекватное понимание содержания художественного высказывания предстает главной целью анализа. Кроме того, личность исследователя с ее индивидуальными особенностями не устраняется, а напротив предстает активно включенной в процесс аналитики: оптика ученого «настраивается» в зависимости как от характера бытования произведений, попавших в

фокус внимания, так и от индивидуальных особенностей поэтики. Именно поэтому читатель трудов Аверинцева, по мысли Седаковой, получает не столько «новые факты», сколько новое «умственное зрение», новый образ мыслей, новую картину мира. Согласно Седаковой, формированию «иного зрения» способствуют не формальные процедуры анализа текстов, а особый «язык»: такой способ говорения о глубинных смыслах произведений, который основан на риторических принципах и герменевтической выверенности. Одним из словключей к методу Аверинцева Седакова считает слово «равновесие»: ученый предстает «идущим узкой» тропой между академической специализацией и обращенностью к адресату (будь то слушатель или читатель). О «равновесии» между филологической скрупулезностью при анализе источников и обращенностью к смыслу, к «существенному», пишет и Г. Обатнин, но в рецензии не на том «Поэтов», а уже на книгу Аверинцева об Иванове: «Тяжело просто объяснять сложные вещи. Для этого необходима чрезвычайная четкость взгляда, уверенный и легкий шаг, как у канатоходца, свернул в сторону — и начнется болтовня» [7]. Любопытно, что слово «равновесие» возникает и в рассуждениях самого Аверинцева о характере поэзии Иванова: согласно ученому, именно равновесие определяет положение его лирики между творчеством «патетических», «трагических» поэтов и лирикой «домашности и детскости» [16, с. 140].

Обращенность к глубинным смыслам художественного произведения объединяет оптику Аверинцева с подходами, характерными и для других смежных гуманитарных дисциплин: философии и экзегетики[1]. Седакова видит в этой близости не просто «междисциплинарность», но синтез оптик, определяющих последовательность герменевтических шагов: мысль ученого «исходит из некоторых начал, более общих, чем те, которыми располагает обычно предметный филолог (вообще предметный гуманитарный ученый), и оттуда спускается к своему конкретному предмету» [8, с. 25]. Под «началами» исследовательница разумеет «христианскую веру», понимаемую как убежденность в причастности к определенной смысловой системе. Так, в логике Седаковой дедуктивный характер научного мышления Аверинцева предстает «мыслью филолога и философа, антрополога и

[1] См. характеристику Аверинцева в обзоре С.В. Федотовой, посвященном современным методологическим подходам к исследованию символизма Вяч. Иванова: «Аверинцев был самым проникновенным истолкователем религиозно-философской мысли и сложной системы символов Иванова, продолжая линию О. Дешарт и Ф. Степуна» [9, с. 44].

богослова, историка и просветителя, аналитика и ритора, христианского апологета и политического мыслителя» [8, с. 25].

Понятие «символ» в эстетике Вяч. Иванова: взгляд С.С. Аверинцева

Как ни парадоксально, Аверинцев не делал проблему символа в эстетике Иванова специальным предметом анализа: среди работ ученого не обнаруживается ни одной, намеренно посвященной этому вопросу. Даже в статье «Системность символов в поэзии Вячеслава Иванова» (1989) о содержании понятия «символ» в эстетических трудах поэта-мыслителя речи не идет. Более того, ученый в этой работе отмечает, что символ как категория эстетики («в теоретических декларациях») и как категория поэтики («реальность поэтической практики») — разные и, что особенно интересно, независимые друг от друга предметы исследования, он намеренно сосредоточивает внимание на втором аспекте и почти не касается первого. Впрочем, перерабатывая статью для книги «“Скворешниц вольных гражданин”» Аверинцев ушел от этого разграничения. Вместе с тем, подчеркнул, что исследователю, обратившемуся к «формальному анализу и толкованию каждой строки Вяч. Иванова» необходимо учитывать «всю совокупность им написанного» [14, с. 121]. Далее демонстрируется пример воплощения этого принципа. Так, объясняя, почему система символов в поэзии Иванова сродни «сводам» и распространяется не только «над поэтом», но и «над читателем», цитирует «Мысли о символизме» и показывает, что поэт мыслит символ принципиально диалогичным. Еще одно изменение более существенно для нашей темы: в книге появляется замечание о том, что Иванов понимал символ «совершенно в духе Шеллинга» [14, с. 122]. Из пояснения к этому утверждению следует, что шеллингианскими ученый считает собственно предложенные Ивановым «дефиниции символа» (в частности — представления о таких свойствах символа, как «неисчерпаемость», «многосмысленность» и «темнота в последней глубине»), а также то, что Иванов нередко соотносит символы в лирике с «языческими мифами» и «христианским церковным сакраментализмом» [14, с. 122].

Несмотря на краткость этих суждений, они показательны в том отношении, что указывают не просто на «философскую глубину», присущую ивановскому пониманию символа (в противовес восприятию символа как некоего «намека» на абстрактное содержание), но и на наиболее существенные, по мнению Аверинцева, аспекты пони-

мания символа Ивановым. К ним относятся следующие: «многозначность», не сводимая к обессмысливанию, инобытийное содержание как основание смыслового наполнения символа, мистика в христианском «изводе», а также сопряженность с идеей мифа.

Влияние идей Вяч. Иванова на концепцию символа С.С. Аверинцева: постановка вопроса

Отсутствие у Аверинцева специальных работ о символе в эстетике Иванова, его игнорирование обозначенной темы не может не вызывать удивления, особенно если помнить о том, что именно он был автором энциклопедической статьи о «Символе художественном» (впервые — «Краткая литературная энциклопедия», 1971 [11]). При этом изложенная здесь концепция символа, как представляется, сформировалась не без влияния идей Иванова. Ряд ключевых положений статьи удивительным образом напоминают «теоретические декларации» поэта-символиста, хотя упоминаний о нем в статье нет: ни в основной части, ни среди имен, перечисленных в разделе «История теоретического осмысления символа», ни в библиографическом списке.

Так, сродственным оказывается уже то, что ученый изначально рассматривает символ именно как универсальную категорию эстетики, а не как троп. Показательно, что Аверинцев не упоминает даже о возможности «чисто выразительного» понимания символа, против которого, как известно, выступал Вяч. Иванов, отстаивавший «онтологическое» представление. Например, в «Мыслях о символизме» он писал:

> «Еще недавно за символизм принимали многие прием поэтической изобразительности, родственный импрессионизму, формально же могущий быть занесенным в отдел стилистики о тропах и фигурах. После определения метафоры (мне кажется, что я читаю какой-то вполне осуществимый, хотя и не осуществленный, модный учебник теории словесности), — под параграфом о метафоре воображается мне примечание для школьников: “Если метафора заключается не в одном определенном речении, но развита в целое стихотворение, то такое стихотворение принято называть символическим”» [18, с. 611].

Умолчание о тропологическом подходе к символу[2] свидетельствует, по-видимому, о том, что ученому представляется очевидным такое понимание символа, которое поэту-символисту приходилось отстаивать[3]. Неслучайно, что, разъясняя понятие «символ» у Иванова, Аверинцев также занимает полемическую позицию. Так, размышления о шеллингианском характере ивановского символа мотивировано несогласием с М.Л. Гаспаровым, который в статье «Антиномичность поэтики русского модернизма» (1995) охарактеризовал поэтическую образность Вяч. Иванова как аллегорическую, а не символистскую[4]. Второе замечание Аверинцева — о том, что символ в эстетике поэта-символиста сущностно и принципиально направлен к диалогу, развернут к воспринимающему сознанию, — явно направлено против известного утверждения М.М. Бахтина о том, что Иванов «монологичен».

Онтологический аспект понятия «символ»

Вслед за Ивановым Аверинцев определяет символ, исходя из формулы Гегеля: «символ есть прежде всего некоторый знак» [17, с. 14]. Вместе с тем, рассуждая о содержании, о «глубинном смысле» символа, ученый, вновь подобно Иванову, разворачивает его от чистой эстетики и придает ему онтологический статус, т. е. не ограничивает бытование символа рамками художественной реальности. Так, согласно Иванову, «символ прорезывает все планы бытия и все сферы сознания» [18, с. 537]. По Аверинцеву, «сама структура С. направлена

---

[2] Отметим, что даже в приведенных сопоставлениях символа с аллегорией, скорее аллегория приобретает категориальность, чем символ «низводится» до выразительного средства.

[3] Имеет существенное значение, что Аверинцев так же, как Иванов, помещает символ в ряд категорий «знак» и «миф», а не относит его к тропам. Показательно, что в написанной З.Г. Минц энциклопедической статье о символе это понятие рассматривается исключительно как «один из видов тропов», а «онтологическая» трактовка символа фигурирует лишь как факт из истории литературы (как умозрительные искания поэтов-символистов) [19, с. 293, 297].

[4] Отразившаяся в книге Аверинцева полемика с Гаспаровым носит не частный, а глубинно-методологический характер. См. статью Д.М. Магомедовой, в которой анализируются различные подходы двух ученых к символизму и символистам (Иванову и Брюсову), которые характеризуются как внешне непримиримые, но, по сути, дополняющие друг друга и равно необходимы для развития филологии [6]; ср. также вывод о том, что «позитивистский подход Гаспарова и философско-филологическая установка Аверинцева прямо противоположны» [9, с. 45].

на то, чтобы погрузить каждое частное явление в стихию “первоначал” бытия» [12, с. 387]. При том существенно, что смысловое поле «подлинного символа» рассматривается обоими не просто как некое абстрактное содержание, но как относящееся к трансцендентному, внеположному видимой действительности, инобытийному.

Аналогично Иванову, отмечавшему, что природа символа предполагает энергию, движущую a realibus ad realiora [18, с. 611], Аверинцев подчеркивает, что в конечном счете содержание символа «всякий раз соотнесено с “самым главным” — с идеей мировой целокупности, с полнотой космического и человеческого “универсума”» [12, с. 387]. Приведенное высказывание еще как будто бы не свидетельствуют о «выходе символа в трансцедентное», ведь слова «целокупность», «космическое», «универсум», взятые вне контекста, не несут мистического содержания. Здесь, однако, можно вспомнить о рассуждениях Ольги Седаковой относительно тех «христианских начал», из которых исходит Аверинцев: рискну предположить, что именно к этим началам относится иносказание «самое главное». Кроме того, как показывает Л.В. Крошкина, анализирующая понятие «символ» у Аверинцева применительно к образу Софии-Премудрости, приведенный фрагмент соотносим с представлением о символе из статьи «Христианство», в которой отмечено, что символ составляет основу христианского способа мышления [5, с. 232]. С другой стороны, можно предположить, что если бы сопряжение с «самым главным» в «символе художественном» мыслилось Аверинцевым абсолютно вне «христианского сакраментализма» (подобно тому, как ученый осмысливал символ у Иванова), то он бы не нашел написанной для КЛЭ статье об этом понятии места во втором томе собрания сочинений «София-Логос. Словарь». (В этот том, как известно, вошли работы, посвященные различным библейским и религиозно-философским вопросам.) Статья, тем не менее, вошла в состав книги почти без изменений.

Так, концепцию символа Аверинцева роднит с «ивановской» то, что для обоих «последняя глубина» символа связана с «божественным всеединством» [18, с. 537]. В этом отношении показательно, что Иванов, рассуждая о символе, характеризует его словами св. прав. Симеона Богоприимца о Младенце Иисусе: «σημεῖον ἀντιλεγόμενον, “знак противоречивый”, “предмет пререканий”» [18, с. 537]. Аверинцев, в свою очередь, идет как бы «навстречу»: он, как было уже отмечено, «дерзновенно соотносит символ с халкидонским догматом, утвердившим образ соединения в Лице Иисуса Христа двух природ — “неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно”» [5, с. 238].

Представление об онтологичности символа и его способность сопрягать зримое с трансцедентными сближает обоих мыслителей уже не с Гегелем, а скорее с Шеллингом, видевшем в символе воплощение бесконечного в конечном, синтеза общего и особенного, которые, будучи не тождественными друг другу, предстают «абсолютно едиными» [20, с. 106]. Потому, думается, неслучайно, что в книге «“Скворешниц вольных гражданин”» Аверинцев, очерчивая специфику символа у Иванова, апеллирует именно к шеллингианской дефиниции. Заметим, что в другом дискурсе — богословском — Аверинцев, предлагая «использовать» понятие «символ» при истолковании текстов Священного Писания, вновь отсылает к Шеллингу и обращает внимание на те же аспекты, которые были выдвинуты на первый план при характеристике символа в эстетике Иванова [15, с. 111].

При этом онтологичность символа в обеих концепциях предопределена его соприродностью мифу[5]. Миф мыслители понимают как будто бы различно. Иванов дает этому понятию лингвофилософское универсальное определение, раскрывающее представление о мифе как особом типе «механизма» мышления о мире, символическом способе осмысления действительности («синтетическое суждение, где сказуемое-глагол присоединено к подлежащему-символу» [18, с. 608])[6]. Аверинцев в посвященной понятию мифа статье из той же «Краткой литературной энциклопедии» рассматривает его скорее как некий продукт коллективного сознания, как готовую форму отражения реальности, а не как способ мысли о ней, не как путь ее воплощения в речи. Представленное в этой статье восприятие мифа кажется близким тому, что Иванов называет «древним мифом».

Гносеологический аспект понятия «символ»

Хотя сопоставление представлений Иванова и Аверинцева о мифе требует отдельного исследования, можно предположить, что именно

---

[5] Ср. например, формулу Вяч. Иванова из статьи «Две стихии в современном символизме»: «…миф — уже содержится в символе, он имманентен ему; созерцание символа раскрывает в символе миф» [18, с. 554] с определением, предложенным Аверинцевым: «С. и есть миф, “снятый” (в гегелевском смысле) культурным развитием, выведенный из тождества самому себе и осознанный в своем несовпадении с собственным смыслом» [12, с. 386].

[6] См. оригинальную интерпретацию формулы мифа у Иванова в статье Л.А. Гоготишвили «Между именем и предикатом (символизм Вяч. Иванова на фоне имяславия»: [3, с. 15–103].

разница в восприятии мифа обуславливает отличия в характере понимания познавательных свойств символа, специфики его «гносеологичности». Так, по Иванову, каждое частное значение «многосмысленного» символа раскрывается в зависимости от характера мифа, в котором происходит соединение символа и воспринимающего этот символ сознания, а вся совокупность значений в итоге складывается в единый «сверхмиф»: его мыслитель называет «великим космогоническим мифом» [18, с. 537]. Такой взгляд и позволяет символу в эстетике Иванова сохранять границы, оставаться «самим собой» и не «стираться». По Аверинцеву, символ предстает квинтэссенцией мифа, и, видимо, поэтому ученый обходит вопрос о том, чем мотивированы отдельные значения символа и останавливается на том, что в каждом частном явлении, воплощенном символом, дан «целостный образ мира» подобно тому, как это происходит в мифе [12, с. 387]. Несмотря на это различие, гносеологический аспект понятия символ для обоих существенен: в обеих концепциях символ предстает посредником между воспринимающим и «трансцедентным смыслом», а в «последней глубине» воспринимающим и Откровение.

В логике обоих мыслителей отдельные значения в смысловом поле символа не самостоятельны, а тесно связаны между собой. В концепции Иванова значения внутри символа подчинены иерархии постольку, поскольку они относятся к разным онтологическим «уровням» и сопрягают эти сферы: «символ <…> знаменует в каждом плане иные сущности, исполняет в каждой сфере иное назначение» [18, с. 537]. По Аверинцеву, соотнесенность символа «с самым главным» оказывается сокровенной, она предварена «опосредующими смысловым сцеплениями» [12, с. 387].

Вместе с тем, для обоих мыслителей одним из ключевых вопросов оказывается проблема антиномии формы и содержания. Именно внутренняя напряженность между «очертаниями» символа и тем, что он «знаменует» генерирует полифоничность его смыслового поля. Так, например, Вяч. Иванов, показывая разницу между иероглифом и символом, подчеркивает, что «начертание» и его значение не совпадают, хотя и образуют единство: «Если символ — гиероглиф, то гиероглиф таинственный, ибо многозначащий, многосмысленный. В разных сферах сознания один и тот же символ приобретает разное значение» [18, с. 537]. Следуя за Ивановым, Аверинцев усиливает, заостряет антиномичность между формой символа и его содержанием: «Предметный образ и глубинный смысл выступают в структуре С. как два полюса, немыслимые один без другого (ибо смысл теряет вне образа свою явленность, а образ вне смысла рассыпается на свои

компоненты), но и разведенные между собой и порождающие между собой напряжение, в к-ром и состоит сущность С.» [12, с. 386–387].

Размышления о гносеологическом аспекте понятия «символ» сопряжены с рядом вопросов: возможно ли адекватное понимания смыслового поля символа? как возможно постижение «инобытийных» значений, содержащихся в символе? Отвечая на эти вопросы, и Иванов, и Аверинцев показывают, что трансцендентное в символе предопределяет невозможность рационального или эмпирического подходов к осмыслению символа. Адекватное восприятие символа возможно, но оно не сводится к «дешифровке», оно требует внутреннего духовно-душевного, «мистического», сосредоточения от реципиента. Иванов подчеркивал, что в восприятии символического искусства «переживающий художественное откровение» задействован личностно настолько же, насколько художник задействован в сотворении символического произведения [18, с. 609]. По аналогии с Ивановым Аверинцев отмечал, что «смысл символа нельзя дешифровать простым усилием рассудка, в него надо “вжиться”» [12, с. 387]. При этом, подобно поэту и теоретику символизма, ученый предостерегает от «интуитивизма» и излишнего «вчувствования», поскольку они предстают препятствием к адекватной интерпретации. Такие (во многом созвучные) представления мыслителей о возможностях понимания символа обуславливают и специфику их воззрений на коммуникативный аспект этого понятия. Символ в их концепциях оказывается медиумом не только между воспринимающим и трансцендентным, но и между разными сознаниями реципиентов. Впрочем, социальный и коммуникативный аспекты в концепциях Иванова и Аверинцева заслуживают отдельного рассмотрения.

Заключение

В статье Аверинцева «Символ художественный», как было замечено выше, Иванов не упоминается, и отсутствие ссылок на его работы кажется весьма загадочным. Объяснить это цензурой, обусловленной историческими реалиями (1971 г., советское издательство и т. п.), вряд ли возможно. Думается, что в случае цензуры, пусть даже и «авто», под нож попало бы и достаточно пространное для энциклопедической статьи рассуждение о Дионисии Ареопагите из раздела «История теоретического осмысления символа», и ранние работы А.Ф. Лосева из списка литературы (в упомянутой выше статье о мифе приводится даже репрессированная «Диалектика мифа», приведшая

философа на Беломорканал). Кроме того, если отсутствие Иванова было обусловлено только цензурными соображениями, то при подготовке статьи к републикациям автор мог бы исправить ситуацию. Однако при публикации текста в составе «Литературной энциклопедии терминов и понятий» (2001) список литературы обогатился только ссылкой на работу о символе о. П. Флоренского, а во второй том собрания сочинений «София–Логос. Словарь» (2000) статья вошла практически неизменной (библиография, кстати, вовсе оказалась урезанной). Можно предположить, что представленная в энциклопедической статье концепция символа была основана на тех же источниках, на которых выстроена концепция Иванова (например, И.В. Гете или упоминавшийся многократно Ф.В.Й. Шеллинг), и что они, эти источники, были восприняты «в том же духе». Такое объяснение все же выглядит маловероятным (в первую очередь, в силу различий между интеллектуальными эпохами). Более правдоподобным представляется, что перечисленные сходства двух концепций объясняются влиянием на Аверинцева не Иванова, а Лосева, чьи труды о символе щедро представлены в списке литературы. Разумеется, и Лосев отталкивался от концепции Иванова (недаром он считал поэта-мыслителя своим учителем, как Аверинцев — Лосева). Вполне возможно, что Аверинцев, раскрывая содержание понятия «символ», исходил, именно из Лосева, а не из Иванова. Точнее говоря, воспринимал ивановскую концепцию сквозь призму виденья Лосева. Каким бы ни был «первоисточник», определивший ход мысли Аверинцева относительно проблемы символа, более существенным (в рамках нашей темы) является то, что ученый «унаследовал» ивановскую точку зрения, пусть даже и через Лосева[7]. А если так, то вполне возможно, что такая оптика «освобождала» его от необходимости специального исследования проблемы символа в эстетических работах поэта-символиста и позволяла — минуя теорию — обратиться к анализу символов в его лирике напрямую, исходя из имманентно-родственных «постулатов», что и предопределило характер его герменевтического подхода к лирике Иванова. Недаром же по-гераклитовски «темная» поэзия Иванова воспринималась им как «необычно ясная» [13, с. 52].

И еще одно. Как я попыталась показать, концепция символа Аверинцева складывалась под влиянием Иванова (прямым или опосредованным), но неотъемлемой ее составляющей стали и положения ученого о возможной науке о символах, «символологии». Размышляя

[7] См. по этой теме интересную статью Р. Бёрда «А.Ф. Лосев и Вяч. Иванов: корни религиозной герменевтики»: [1].

о том, какими должны быть методологические основания такой науки, Аверинцев подчеркивает, что они не могут полностью «усвоить формальную четкость т. н. точных наук», но обязаны сохранять «равновесие» между описанием текста (которое может быть выстроено по модели точных наук) и «истолкованием различных слоев его символики» [12, с. 390]. Пути истолкования при этом осмысляются как имеющие свои внутренние законы и ходы (среди которых диалогу и диалогичности отведено далеко не последнее место). Эти трудно поддающиеся формализации методы и приемы Аверинцев характеризует емким словом «инонаучные», что позволило Ольге Седаковой определить специфику подхода Аверинцева в целом как «новую рациональность». Добавим в заключение, что в этой «новизне» отчетливо просматриваются старые и даже древние интуиции символотворчества, которые подпитывали поэзию и философско-эстетические взгляды филолога-классика Вячеслава Иванова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. *Бёрд Р.* А.Ф. Лосев и Вяч. Иванов: корни религиозной герменевтики // Образ мира — структура и целое: Материалы междунар. научн. конф. (МГУ им. М.В. Ломоносова, 19–23 октября 1998 г.). М.: Логос, 1999. С. 225–234.
2. *Бёрд Р.* Символ и печать // *Бёрд Р.* Символизм после символизма. СПб.: Нестор-История, 2022. С. 34–44.
3. *Гоготишвили Л.А.* Непрямое говорение. М.: Языки славянских культур, 2006. 632 с.
4. *Доброхотов А.Л.* Аверинцев как философ культуры // Аверинцевские чтения. М.: Изд-во МГУ, 2008. С. 58–67.
5. *Крошкина Л.В.* Символ как сопряжение с «самым главным», или вопрос о «методе» Сергея Аверинцева // Вестник Свято-Филаретовского института. 2024. Т. 16. Вып. 1 (49). С. 232–246. https://doi.org/10.25803/26587599_2024_49_232
6. *Магомедова Д.М.* Работы М.Л. Гаспарова о Вяч. Иванове // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2010. Вып. 1. С. 677–683.
7. *Обатнин Г.В.* С.С. Аверинцев «Скворешниц вольных гражданин…» // Новая Русская Книга. 2002. № 1. URL: https://magazines.gorky.media/

nrk/2002/1/c-s-averinczev-skvoreshnicz-volnyh-grazhdanin.html (дата обращения: 10.02.2026).
8. *Седакова О.А.* Сергей Сергеевич Аверинцев: Воспоминания. Размышления. Посвящения. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2020. 324 с.
9. *Федотова С.В.* Картография методологических подходов к феномену русского символизма (на примере творчества Вяч. Иванова) // Studia Litterarum. 2020. Т. 5, № 4. С. 38–65. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2020-5-4-38-65

Источники

10. *Аверинцев С.С.* Поэзия Вячеслава Иванова // Вопросы литературы. 1975. № 8. С. 145–192.
11. *Аверинцев С.С.* Символ художественный // Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. М.: Сов. энциклопедия, 1971. Т. 6. С. 826–831.
12. *Аверинцев С.С.* Символ художественный // *Аверинцев С.С.* Собр. соч. / под ред. Н.П. Аверинцевой и К.Б. Сигова. София-Логос: словарь. Киев: Дух і Літера, 2006. С. 386–395.
13. *Аверинцев С.С.* Системность символов в поэзии Вячеслава Иванова // Контекст: Литературно-теоретические исследования. М.: Наука, 1989. С. 42–57.
14. *Аверинцев С.С.* «Скворешниц вольных гражданин…». Вячеслав Иванов: путь поэта между мирами. СПб.: Алетейя, 2002. 167 с.
15. *Аверинцев С.С.* Слово Божие и слово человеческое. Римские речи / сост. П. Адзаро. М.: Никея, 2023. 400 с.
16. *Аверинцев С.С.* «Я же каюсь, гуторя…»: О юморе Вячеслава Иванова // Вячеслав Иванов и его время: Мат. VII междунар. симпозиума, Вена, 1998. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2002. С. 125–141.
17. *Гегель Г.В.Ф.* Эстетика: в 4 т. М.: Искусство, 1969. Т. 2. 328 с.
18. *Иванов В.И.* Собр. соч.: в 4 т. / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. Брюссель: Foyer oriental chrétien, 1974. Т. 2. 870 с.
19. *Минц З.Г.* Символ // Энциклопедический словарь юного литературоведа. М.: Педагогика, 1987. С. 293–295.
20. *Шеллинг Ф.В.* Философия искусства. М.: Мысль, 1966. 496 с.